

Юн Шань пристально вглядывался в изящный силуэт, представший перед ним во тьме. Его очертания в ночи были едва различимы, и подобная таинственность, безусловно, привлекала взгляд, однако Юн Шаню казалось, будто по его каменному сердцу стукнули молотком, разбивая на тысячи осколков, которые со звоном, лишь ему слышным, посыпались вниз.

Белоснежная шёлковая ткань, казалось, лучилась мягким светом, но Юн Шань не был уверен, исходит ли свет от одежды или же от самого Юн Ци.

— Ложись, — сквозь зубы процедил Юн Шань спустя несколько мгновений.

Голос его звучал жутко.

Устрашающая интонация заставила и так еле слышное дыхание юноши, сидящего перед Юн Шанем, замереть, и Юн Ци застыл, будто восковая статуя, облачённая в лучшие шелка.

— Я хочу, чтобы ты лёг рядом. Ради меня, — снова сказал Юн Шань сквозь зубы.

Его свирепый волчий взгляд во мраке ночи казался ещё более пугающим, чем был при свете солнца. Казалось, глаза Юн Шаня сияли могильным синим цветом, холод которого пробрал до мурашек слабое тело Юн Ци.

Юноша с дрожью вздохнул и, спустя недолгое время, примирился со своей судьбой. Обернувшись с чрезвычайной осторожностью, Юн Ци все же лёг рядом с Юн Шанем, повинуясь его приказу.

Юнь Шань глубоко втянул воздух, нарушая звенящую тишину спальни. Казалось, он прикладывал невероятные усилия, чтобы подавить в себе рвущегося наружу свирепого зверя, и одна лишь мысль о том, что ему не удастся найти в себе силы для этого, приводила Юн Ци в ужас, с которым юноша был не в силах совладать.

Прежде чем натянутая тетива успела сорваться, Юн Шань стиснул зубы и резко отвернулся, поворачиваясь спиной к Юн Ци.

— Засыпай. — Пусть юноша и чувствовал себя опустошённым после яростного противостояния самому себе, он всё же нашёл в себе силы обратиться к Юн Ци.

Он так и лежал сзади, а его младший брат Юн Линь мирно спал перед ним, ни о чём не тревожась.

Юн Шань крепко сжал кулаки, и ногти больно врезались в его белые ладони. Юноша изрядно желал выместить свой гнев на Юн Лине, как следует избить этого везучего и не знающего забот младшего братца, выдернув его из прекрасного мира грёз, в котором он так удобно устроился, но рука напрочь отказывалась слушаться своего хозяина. Возможно, в глубине

души Юн Шань всё равно любил Юн Линя и не мог поступить с ним так жестоко. Вместо грубого удара его рука лишь нежно скользнула по коже Юн Линя, ласково поглаживая его умиротворённое лицо.

Действительно спит.

Этот несносный болван...

Этот чёртов несносный болван.

Из-за спины Юн Шаня раздался едва различимый шёпот:

— Я боюсь тебя.

Этот голос, такой лёгкий и приятный, будто шелест травы... Его шёпот заставил Юн Шаня напрячься, на какое-то мгновение он даже замер, затаив дыхание.

— Я... — В полной тишине и мраке голос Юн Ци звучал низко и необычайно мелодично. Мягкий, чистый голос. На какое-то время юноша замолчал, пытаясь подобрать слова, а через несколько мгновений вновь нарушил тишину: — Я не ненавижу тебя.

Голос снова стих.

Гробовая тишина повисла в покоях принца. Невозможно было сказать, как долго она длилась, но, по ощущениям Юн Шаня, бесспорно, целую вечность.

«Я не ненавижу тебя».

Юн Шань почувствовал, как у него перехватило дыхание, а в горле пересохло.

«Юн Ци. Юн Ци».

Полог кровати мягко струился вниз, укрывая от посторонних глаз большую кровать, где уютно разместился правящий всей Поднебесной наследник престола. Его характер всегда отличался твёрдостью и напористостью, но сейчас мысль в голове юноши была только одна, и он тихонько лежал в кровати, прокручивая её раз за разом.

«Юн Ци, я буду любить тебя. Я хочу любить тебя, любить больше чем кого-либо в этом мире. Отныне и вечно любить тебя...»

Снова и снова он повторял про себя эту мысль.

Такая своеобразная клятва самому себе заставила кровь в его венах вскипеть, однако внешне Юн Шань был более чем хладнокровен, не смея и шевельнуться.

Он боялся, что если дрогнет хоть кончик его пальца, это спугнёт столь неожиданно снизошедшее на него тепло. Подобное признание действительно свалилось на принца, как снег на голову.

Наконец-то в его вечно ледяном сердце начало теплиться нечто прекрасное и доброе.

И пусть это была лишь крохотная искорка тепла... Его сердце было замёрзшим так долго, что, казалось, прошла целая вечность, но и этой крохотной искорки было вполне достаточно, чтобы... согреть его.

На следующее утро небо смиловалось — погода улучшилась. Юн Шань предполагал, что не сможет уснуть этой ночью, но всё же уснул. Когда он наконец открыл глаза, то сильно удивился, осознав, что проснулся, когда солнце уже было уже высоко. За окном было позднее утро.

Чан Дэфу, услышав шорохи, спешно подошёл к кровати, чтобы позаботиться о юноше, и с улыбкой сказал:

— Ваше Высочество, Вы уже проснулись? Редкий случай, когда Вы позволяете себе так крепко спать. Когда Ваш слуга видит, как сладко Вы спите, то радуется за Ваши сны больше, чем за свои собственные. К счастью, и небо проясняется. Не желаете ли насладиться прогулкой на свежем воздухе? Это поможет смягчить боль.

После такого крепкого сна у Юн Шаня было хорошее настроение, да и чувствовал он себя как никогда бодро. Его рана хоть и саднила, но уже совсем не так, как раньше. С губ евнуха непрерывным потоком срывались то и дело повторяющиеся фразы, и, слушая их, юноша не только не разозлился, но еще и неожиданно порадовался этому брызжанию, к удивлению для самого себя. Усевшись на кровати, Юн Шань позволил слугам обтереть себя горячим махровым полотенцем. Пока слуги помогали Его Высочеству с утренними процедурами, сам принц перевёл взгляд в сторону окна. Ослепительно яркие лучи солнца врывались в покои Его Высочества через тонкое стекло, от хмурых туч на небосклоне не осталось и следа. Складывалось ощущение, словно весь мир выбрался из мрака на свет. На юном одухотворённом лице заиграла радостная улыбка. Вытерев лицо горячим полотенцем, Юн Шань бросил его обратно в таз для умывания, а после запрокинул голову, протяжно вздохнув с явным наслаждением:

— Проясняется. Отличная погода!

И тут, осмотрев покои беглым взглядом, Юн Шань сосредоточил внимание на совершенно пустой постели и беспорядочно смятом на ней одеяле. Юн Шань как бы случайно поинтересовался:

— А куда делись два Высочества?

— Спешу доложить Вашему Высочеству, что оба принца сейчас находятся в боковом зале.

— В боковом зале? — переспросил Юн Шань. — Что они там делают?

— Играют в го.

Озорные солнечные лучики добрались и до галереи, светя прямо в лицо, радуя и будто наполняя жизнью. Они беспорядочно падали вниз, окутывая тело Юн Шаня и погружая его в своё тепло, словно в океан. Они дарили ни с чем не сравнимое чувство непринуждённости, наполняя шаги Юн Шаня беззаботностью, делая их невероятно лёгкими, точно невесомыми.

Как только юноша миновал галерею, перед его взором предстала большая деревянная дверь, ведущая в боковой зал. Сама же дверь была закрыта лишь наполовину. Двое-трое мелких придворных евнухов стояли в дверях на страже, тоже явно наслаждаясь теплом столь редкого солнца. Они щурились и зевали, но, увидев Юн Шаня, появившегося словно из ниоткуда, тут же перепугались. Вмиг побледнев, слуги рухнули на колени.

— Ваше Высочество...

Юн Шань приложил палец к губам, прерывая слуг на полуслове, а затем махнул рукой, жестом приказывая всем уйти. Не открывая полностью двери, юноша тихо приблизился ко входу и осторожно, полубоком, вошёл внутрь, притаившись.

В холодную зиму особенно приятно насладиться тёплыми лучами солнца.

Юноша знал, что большой боковой зал был очень светлым. Недавно отец-император лично прислал в подарок семь цветных фонарей, которые теперь висели на глазурованной черепице. Но благодаря столь ясному дню зал был залит лучистым светом, так что сейчас в этих фонарях не было надобности, поэтому придворным слугам пришлось их потушить.

Кто-то завтракал. Сбоку на маленьком столе мирно стояли чашки с чаем, чайник, чаши, палочки для еды и пять или шесть тарелок из белого нефрита, полные солёных закусок. Еда была почти нетронута, было видно, что съедена лишь малая часть. Лишь жёлтые сдобные лепешки из клейкого риса были исключением. Они лежали в маленькой бамбуковой корзинке и, судя по всему, больше всего пришлись по душе во время трапезы, так как корзинка была опустошена уже почти полностью.

С другой же стороны перед окном был разложен гобан. Два противника, сидя друг напротив друга, увлечённо думали над своим ходом. Юн Линь, склонив голову и стиснув зубы, смотрел на гобан и сильно хмурился. Юн Шань был бы рад взглянуть и на эмоции Юн Ци во время игры, однако тот сидел к нему спиной. Наследный принц бесшумно встал позади старшего

брата. Юноша очень хотел подойти ближе и заглянуть в лицо Юн Ци, но сдержался и перевёл взгляд на гобан.

Бросив один лишь взгляд на «поле боя», Юн Шань невольно растянул губы в лёгкой улыбке. Не удивительно, что Юн Линь так хмурил брови и делал страдающую мину. Он терпел поражение, которое можно было назвать настоящим полным разгромом.

Из-за того, что они долгое время не играли в облавные шашки, навыки Юн Линя несколько не улучшились.

— Я пойду так! — сказал Юн Линь, и после долгого размышления, словно героически жертвуя собой, взял чёрный камень и опустил её на гобан, сделав свой ход.

«Глупец, разве этот ход не смертелен для твоего камня?» — подумал Юн Шань.

Но палец Юн Линя вжался в фишку: похоже, что юноша тоже просчитал свой ход, но тут, словно осознав опасность, испугался и снова закричал:

— Нет! Не так!

Юн Ци склонил голову на бок, не произнеся ни слова.

Юн Шань посмотрел на силуэт Юн Ци. Тот был расслаблен, изгибы его плеч и спины оказались неожиданно мягкими и утончёнными. Юн Шаню не обязательно было видеть его лицо, но он прекрасно знал, что сейчас оно непременно выглядит таким же расслабленным и безмятежным, как и всегда, когда Юн Шань незаметно смотрит на него.

— Старший брат Юн Ци, ты сейчас забрал два камня, позволь мне. — Юн Линь, раскаиваясь, как ребёнок, взял чёрную фишку и вновь зажал в ладони, после чего пристально посмотрел на гобан. Спустя долгое время он внезапно протянул руку к двум белым камням Юн Ци и забрал их. Словно отговариваясь и ластясь, Юн Линь хохотнул, затем резко поднял голову и в изумлении вскрикнул: — Старший брат Юн Шань!

Юн Шань быстро замахал рукой, желая, чтобы Юн Линь замолчал, но было слишком поздно. Тело, что только что было перед глазами Юн Шаня, резко напряглось, и сидевший к нему спиной Юн Ци внезапно вскочил с места, будто его за ногу ужалела змея.

Услышав от Юн Линя: «Юн Шань!», юноша от испуга в один прыжок поднялся на ноги и обернулся, да так резко, что вдруг потерял равновесие.

Юн Шань обладал ловким и проворным взглядом. Быстро среагировав, юноша подхватил старшего брата под руки и, крепко держа в объятиях хрупкое тело, мягко сказал со смехом:

— Это было весьма неосторожно.

Пока Юн Ци всё ещё пребывал в оцепенении, Юн Шань уже вернул ему равновесие и, слегка надавив на плечи, заставил юношу вновь сесть на место, а после поднял подол своего платья и тоже присел рядом с Юн Ци.

Изначально Юн Ци и Юн Линь сидели каждый на своей квадратной плетёной лежанке, но сейчас, когда к ним присоединился Юн Шань, места на троих стало не хватать. Юн Ци был зажат между стеной и Юн Шанем, а напротив них неловко сидел растерянный Юн Линь. Голос Юн Шаня прервал неловкое молчание:

— Потеснишься? Или мне принести другую плетёную лежанку для себя?

— Не нужно ничего нести. Я не боюсь тесноты, старший брат, иди сюда и садись со мной, — с улыбкой произнёс Юн Линь, хлопая по квадратному сидению, на котором расположился, после чего двинулся к краю.

Юн Шань согласился, однако так и не двинулся с места. Поглядев на Юн Ци, юноша, словно это был секретный разговор, шёпотом спросил:

— Тесно?

Запустив руки под стол, на котором лежал разложенный гобан, Юн Шань повёл себя очень своевольно: слегка сжав руку Юн Ци, он принялся поглаживать большим пальцем мягкую ладонь старшего брата.

Юн Ци внезапно вздрогнул и, подняв умоляющий взгляд, поглядел на Юн Шаня. Ему трудно было вынести это, но вместо того, чтобы возмутиться, он лишь растянул губы в едва заметной улыбке, словно не хотел, чтобы эта тёплая ладонь отпустила его руку.

— Ты завтракал? — спросил Юн Ци, опустив взгляд.

Через несколько минут Юн Шань понял, о чем спросил Юн Ци, и это обрадовало юношу. Но, несмотря на всю радость, что охватывала его душу, Юн Шань слегка нахмурился:

— А эти повседневные блюда хоть вкусные?

— ...притеснять — куда это годится? — вмешался Юн Линь. — А ещё говоришь, что я непослушный. На самом деле это старший брат в собственном дворце такой же непослушный, как я. погоди, вот увижу матушку — всё ей расскажу. — Поднявшись с места и взяв гобан, юноша убрал её. Вскоре тарелки с закусками, что стояли на маленьком столике, переключили на другой стол. Также там была и маленькая бамбуковая корзинка, внутри которой осталась всего лишь одна жёлтая сдобная лепёшка. И наконец Юн Линь поставил перед Юн Шанем

свою чашечку, из которой он только что ел, и палочки. — Лень просить слуг, чтобы подали чистую чашку и палочки, поэтому можешь воспользоваться моими. Ты не против?

Глядя на любезное отношение со стороны младшего брата, Юн Шань просто не смог сказать «нет». Взяв палочками ту закуску, что стояла перед ним, Юн Шань отправил в рот и, прожевав её, сказал, нахмутив брови:

— Что случилось с Чан Дэфу? Из-за холода эти закуски стали кислыми.

Юн Линь неожиданно состроил обиженное лицо и пожаловался:

— Это то, что я специально привёз из Цзянчжун. Всю дорогу я внимательно следил за сохранностью блюд и часто проверял, сохранили ли они свой вкус. Да и потом, что значит «они из-за холода стали кислыми»? В императорском дворце никто не может сделать такую вкуснотищу! Даже Юн Ци эта закуска очень понравилась.

Юн Шань, колебаясь, вновь обернулся и поглядел на Юн Ци, который, заметив, что Юн Шань хоть и сидит рядом, но не делает ничего ужасного, немного расслабился, и его лицо вновь стало выглядеть естественно. Увидев, что Юн Шань смотрит на него, Юн Ци слегка кашлянул и сказал:

— С горячими жёлтыми сдобными лепёшками они очень вкусные.

Юн Ци посмотрел на маленькую бамбуковую корзинку, которая стояла на другом столе, но, внезапно вспомнив, что он за завтраком съел почти все сдобные лепёшки, оставив лишь одну, снова внезапно замолчал.

Юн Шань перевёл взгляд и посмотрел на маленький столик, на котором стояла корзинка и, вероятно, уже догадался, на что именно смотрел Юн Ци. Он рассмеялся:

— Если холодные квашенные овощи сочетаются с жёлтыми сдобными лепёшками, то я обязательно должен это попробовать. — Поднявшись с места, юноша подошёл к столику и положил себе в чашечку то, что осталось от лепёшки, и вновь вернулся на своё место.

— Эту... — Юн Ци посмотрел, как Юн Шань действительно собирается её съесть, и невольно произнёс с удивлением: — Эту сдобную лепёшку...

Не договорив, Юн Ци прервал себя на полуслове и, вновь замолчав, внимательно поглядел на закуску, которую сейчас держал Юн Шань в руках.